

очевидно, солидарен с рецензентом, который хвалит автора за внимание к характеру афинского народа. «Изображения сего рода, — говорится в статье, — показывают историка, совершенно вошедшего в дух описываемой им нации».¹⁷

Нельзя забывать, однако, что это не оригинальный текст Карамзина, а перевод. Сопоставление карамзинского текста с немецким оригиналом дает возможность проследить, каковы же были эти «перемены». Карамзин сократил прежде всего те фразы, где рецензент хвалил Бартеlemi за бережное отношение к исторической истине, за тщательное использование исторических источников и т. д. Для русского писателя в этот период важнее другое достоинство книги Бартеlemi — приятность, занимательность. Слово «приятный» у Карамзина употребляется гораздо чаще, чем у немецкого рецензента.

«Приятным» оказывается для Карамзина и роман Виланда «Агатон»,¹⁸ воспринятый им не как «философическая книга», а, по-видимому, опять-таки как поэтическая картина древней Греции. Не достоверность описанных событий, но авторская фантазия, проникнутая духом античности, привлекает сейчас русского писателя. Через произведения Гердера и Виланда мир древней Греции входит в сознание Карамзина, неожиданно соприкасаясь с окружающей его действительностью. Близкие писателю люди получают античные имена: А. А. Плещеева становится Аглаей (по Гердеру, грация невинности, создавшая лилию), А. А. Петров — Агатом. Восприятие древнего мира как мира особого, невозвратно ушедшего в прошлое и делает возможным воскрешение его подобия через античные имена, служащие лишь символами этого мира.

Здесь уже обнаруживается расхождение Карамзина со своими предшественниками, писателями классицизма, которые считали возможным подражать античным авторам, игнорируя временную дистанцию, отделявшую прошлое от современности. Эта дистанция не имела для них значения, поскольку их этические нормы казались им незбываемыми и вечными. У Карамзина же, творчески воспринявшего опыт преромантической европейской литературы того времени, появляется сознание изменчивости правил человеческого общежития, сознание того, что каждая эпоха имеет свой особый характер. Временная дистанция не замалчивается Карамзиным, а всячески выдвигается, подчеркивается.

Свою позицию писатель четко определил в рецензии на «Кадма и Гармонию» Хераскова, почитавшегося крупнейшим ав-

См.: Cross A. G. N. M. Karamzin and Barthélemy's «Voyage du jeune Anacharsis». — The Modern Language Review, 1966, vol. LXI, N 3, p. 468.

¹⁷ Московский журнал, 1791, ч. 3, кн. 1, с. III.

¹⁸ См.: Bittner K. Der junge Karamzin und Deutschland, S 88—89; Данилевский П. Ю. Виланд в русской литературе — В кн.: От классицизма к романтизму. Из истории международных связей русской литературы Л., 1970, с. 338—349.